Этнография в музеях

Е. А. Окладникова

КАЛИФОРНИЙСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ И. Г. ВОЗНЕСЕНСКОГО В МАЭ

Этнографические коллекции Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого АН СССР (МАЭ) в Ленинграде составляют славу не только музеев нашей страны, но и советской исторической науки в целом. Особой популярностью в МАЭ пользуются материалы его Американского отдела, которые были собраны в результате кропотливого и целеустремленного труда поколений русских исследователей [1].

Настоящая статья посвящена довольно крупной (296 предметов) калифорнийской коллекции № 570, носящей имя И. Г. Вознесенского. В нее входят вещи, привезенные из Калифорнии русскими путешественниками, учеными, моряками. Одни из них посетили Калифорнию в составе экипажей русских кораблей, совершавших кругосветные плавания (В. М. Головнин), другие — в качестве служащих Российско-Американской компании (К. Т. Хлебников, Н. П. Резанов, Г. И. Лангсдорф). Первоначально эти вещи хранились в Русском Географическом обществе и Адмиралтейском департаменте, а позднее были переданы в МАЭ. Точная атрибуция предметов калифорнийских коллекций МАЭ, в частности определение их собирателей, пока далеки от завершения. Но уже теперь на основе анализа косвенных источников (рисунки М. Тиханова, записные книжки и дневники Г. И. Лангсдорфа, записки К. Т. Хлебникова) удалось выявить среди старых вещей коллекции № 570 категории предметов, которые гипотетически могут быть связаны с именами Г. И. Лангсдорфа (стрелы с овально подстриженным оперением, полученные у индейцев прибрежных мивок; номера в коллекции: 183, 185, 201 и др.), К. Т. Хлебникова (два плетенных из травы сосуда, принадлежащие индейцам чумаш Южной Калифорнии; № 85 и 113) и В. М. Головнина (боа из утиных перьев; № 10).

Большинство же предметов коллекции № 570 собрано И. Г. Вознесенским. Препаратор Зоологического музея Академии наук, И. Г. Вознесенский (1816—1871) был в 1839 г. командирован для сбора зоологических, ботанических и этнографических материалов в Русскую Америку, где пробыл до 1845 г. Результат его деятельности — великолепные коллекции, вызвавшие восторженные отклики современников, в частности акад. А. А. Штрауха. Он писал: «Богатство коллекций, собранных им во время десятилетнего пребывания в Российско-Американских владениях и на восточном берегу Сибири, превосходит всякое вероятие. Его коллекции принадлежат к разряду лучших вещей, когда-либо поступавших в музей...» [2].

Вошедшие в коллекцию № 570 этнографические предметы собраны И. Г. Вознесенским в Калифорнии в 1840—1841 гг. у индейцев мивок, прибрежных мивок, помо, костаньо и винту. Эти предметы в настоящее

---

[1] См. *Кинжалов Р. В.* К истории американских коллекций МАЭ.— В кн.: Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981, с. 270—280.

[2] *Штраух А. А.* Зоологический музей императорской Академии Наук.— Зап. имп. Академии Наук, Спб., 1890, № 3, с. 46.

время составляют своего рода «Красную книгу» по этнографии индейцев Калифорнии, ибо они уникальны и отсутствуют, как правило, в других музеях мира.

Коллекция № 570 всесторонне характеризует культуру и быт индейских племен. Это объясняется прежде всего тем, что формировалась она в 1800—1848 гг., когда Калифорния, несмотря на испанское и сменившее его мексиканское влияние, была страной индейцев. А после 1848 года толпы золотоискателей хлынули в горные районы Невады и Калифорнии, опустошая земли индейцев, и тогда под угрозой оказались не только независимость, но и само существование народа.

Значительную роль в сохранении индейской культуры сыграл факт русского влияния. С калифорнийским берегом связаны яркие страницы истории Русской Америки. Именно на землях прибрежных мивок (Центральная Калифорния) был основан южный форпост Русской Америки — селение Росс. Его жители — русские моряки, солдаты, ремесленники — с первых же дней существования селения установили добрососедские отношения с индейцами. Они всячески старались вовлечь индейцев в сферу созидательной хозяйственной деятельности, привить им любовь к землепашеству, скотоводству, содействовали развитию просвещения и науки, что вообще было свойственно политике русских в Калифорнии[3].

Дружеские взаимоотношения русских и индейцев стали основой для развития научно-исследовательской деятельности русских путешественников и ученых, в том числе и И. Г. Вознесенского. Именно они в значительной степени обеспечили успех его этнографической деятельности.

Другой причиной, которая позволила И. Г. Вознесенскому осуществить огромную работу по коллекционированию в области этнографии, были его дар собирателя и исследователя, его необыкновенное трудолюбие. В полевых калифорнийских записях Вознесенского, не предназначенных для публикации, за сухим перечнем фактов и событий улавливалось его отношение к жизни, его удивительная целеустремленность. Тот, кто изведал очарование экспедиционной палаточной жизни с ее лишениями, таежным гнусом, неожиданными снегами в июле, ледяными горными ветрами, новыми открытиями, не может без волнения листать дневники Вознесенского. С юмором он описывал самые критические ситуации своих, часто одиноких, путешествий по лесам и горам Калифорнии, совершавшихся с единственной целью: пополнить коллекции еще одним уникальным экспонатом.

Вознесенский был тонким наблюдателем, способным художником и даже поэтом. Он вошел в историю русской этнографии как прекрасный исследователь-полевик. Работа в Русской Америке подорвала его здоровье и, возвратившись в Петербург, он не смог обработать собранные коллекции. Дело Вознесенского продолжили русские и советские ученые-американисты, историки, этнографы[4].

Особую трудность в дальнейшей работе с материалами И. Г. Вознесенского, в частности, с этнографическими коллекциями, представляет племенная атрибуция вещей. Основная информация об их происхожде-

---

[3] *Липшиц Б. А.* Этнографические исследования в русских кругосветных экспедициях первой половины XIX века.— Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXX, М.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 301.

[4] См.: *Гильзен К. К.* Илья Гаврилович Вознесенский. К столетию со дня рождения.— Сб. МАЭ, т. III, Пг., 1916, с. 1—14; *Степанова М. В.* И. Г. Вознесенский и этнографическое изучение Северо-Запада Русской Америки.— Изв. ВГО, 1944, т. 76, в. 6, с. 279; *Липшиц Б. А.* Этнографические материалы по Северо-Западной Америке в архиве И. Г. Вознесенского.— Изв. ВГО, 1950, т. 82, в. 4, с. 415—420; *Ляпунова Р. Г.* Экспедиция И. Г. Вознесенского и ее значение для этнографии Русской Америки.— Сб. МАЭ, т. 24, Л., 1967, с. 5—33; *Алексеев А. И.* Илья Гаврилович Вознесенский. М., 1977; *Бломквист Е. Э.* Рисунки И. Г. Вознесенского (экспедиция 1839—1849 гг.).— Сб. МАЭ, т. XIII, Л., 1951, с. 260—303; *Кожин П. М.* Этнографические наблюдения И. Г. Вознесенского в Калифорнии.— Труды МАЭ, т. 104, в. VII, 1977, с. 66—77; *его же.* Плетеные сосуды индейцев Калифорнии.— Сб. МАЭ, т. 24, 1967, с. 124—139; *Окладникова Е. А.* Калифорнийская коллекция И. Г. Вознесенского и проблема древних культурных связей Азии и Америки.— Сб. МАЭ, т. 37, 1981, с. 54—67.

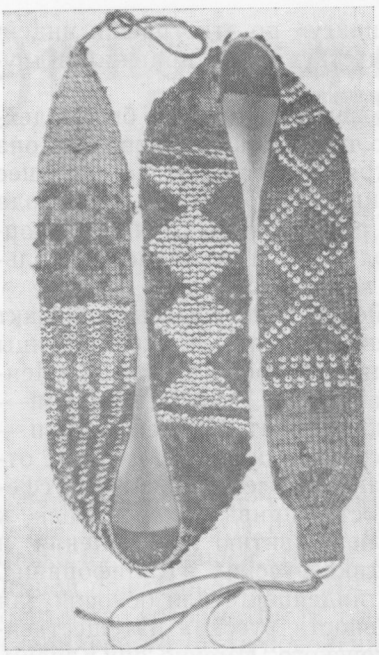

Рис. 1. Пояс, сплетенный из травы (МАЭ, кол. 570, № 11; в последующих рисунках указывается только номер)

нии содержалась в записных книжках И. Г. Вознесенского. Анализу этой информации посвятил специальное исследование П. М. Кожин[5]. Ему удалось установить, что И. Г. Вознесенский собирал материалы в окрестностях залива Сан-Франциско и Форта Росс, а также в долине р. Сакраменто, т. е. в районах Калифорнии, где жили индейцы мивок, прибрежные мивок, костаньо и майду. Большую помощь в приобретении этнографических предметов И. Г. Вознесенскому оказывали посредники — капитан Суттер, испанский священник Тихос и многие другие. Именно при содействии падре Тихоса Вознесенский приобрел ряд ценных предметов, в том числе сплетенный из травы церемониальный пояс, украшенный раковинными бусинами[6].

Привезенная из Калифорнии коллекция Вознесенского состояла из пяти категорий предметов: культовые, предметы быта, орудия охоты, украшения и игрушки. Анализ коллекции свидетельствует о том, что материальная культура калифорнийских индейцев даже к концу XVIII века оставалась на уровне неолита и что индейцы Центральной Калифорнии и большей части Западного побережья США сохранили архаические формы социальной организации и древние верования. Последние наряду с древними приемами плетения из травы и обработки каменных орудий сближают культуру индейцев с культурой народов тихоокеанского круга, Сибири и северной части Северной Америки.

К архаическим особенностям социальной организации населения Азии и Америки относятся тайные мужские союзы и связанные с ними обряды возрастных инициаций, причем в Новом Свете информация о тайных мужских союзах сохранилась в большем количестве источников, чем в Старом. На территории Центральной Калифорнии обряды инициаций осуществлялись в рамках тайного союза Куксу. Идеология этого союза, как и тайных союзов индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки, базировалась на сложной системе анимистических представлений, представлений о духах-предках, о возрождающейся и умирающей природе, о духах-помощниках, о личности творца-демиурга — мифического создателя земли и благодетеля человечества[7]. В образе творца и благодетеля человечества у индейцев Центральной и Северной Калифорнии выступал орнитоморфный герой Куксу[8].

В легендах индейцев мивок Куксу представал в образе великого ворона, который сотворил землю из каучукового мячика, извлеченного якобы из-под собственного крыла. Орнитоморфность образа героя-демиурга старательно подчеркивалась костюмом танцора — исполнителя роли Куксу. Один из таких костюмов есть в коллекции И. Г. Вознесенского. Это накидка, сплетенная из пучков перьев ворона, которая, по-

[5] *Кожин П. М.* Этнографические наблюдения И. Г. Вознесенского в Калифорнии, с. 66—77.

[6] *Ляпунова Р. Г.* Указ. раб., с. 16.

[7] *Окладникова Е. А.* Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск: Наука, 1979, с. 124—132.

[8] *Loeb E. M.* Western Kuksu Cult.— Univ. of California Publications in American Archaeology and Ethnology, 1932, № 1, p. 3.

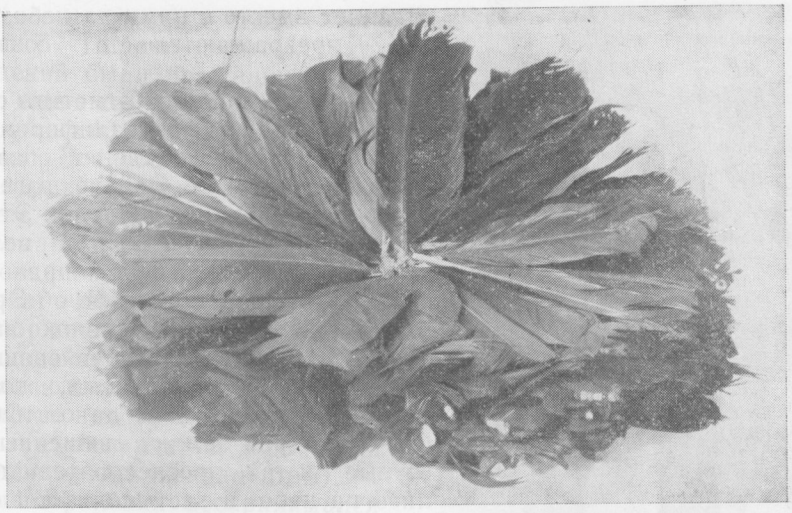

Рис. 2. Церемониальный головной убор из перьев (№ 8)

добно плащу, покрывала все тело танцора, ниспадая с головы до щиколоток. Костюм дополнялся головным убором (из перьев ворона, дикой утки, орла) и длинными лентами из очищенных от опахал (эластичной пластинчатой части пера, лежащей по обе стороны от его стержня) перьев дятлов; стерженьки перьев плотно пригонялись друг к другу, составляя ленту, края которой отделывались заостренными ромбовидными кончиками опахал. Тела танцоров, исполнявших партию Куксу, были расписаны черной, красной и белой красками, а лица скрыты под перьевыми полумасками либо под низко опущенными на глаза налобными лентами из перьев дятлов. Считалось, что смотреть в глаза великим духам непочтительно.

Во время церемоний тайных мужских союзов танцор, исполнитель роли Куксу, должен был появляться с куском перламутра во рту (это, видимо, символизировало каплю пресной воды, принесенную птицей-демиургом на землю, жители которой имели только соленую морскую воду). Иногда вместо куска перламутровой раковины, завернутой в листья, он держал во рту ритуальные свистульки из сдвоенных костей журавля. Свистульки в верхней и нижней частях были туго стянуты бечевками, внизу обмазаны асфальтом; на нижнем же конце при помощи асфальта к свистулькам крепились сверленые раковины, раковинные бусы. Издаваемый такими свистульками свист воспринимался индейцами как голоса духов, в том числе и самого Великого ворона Куксу.

В собрании МАЭ хранятся две уникальные свистульки из трубчатых костей крыльев журавля. Декор из парных бусин раковины оливеллы на нижней части свистулек мог иметь сакральное значение. Так, среди собранных у индейцев чумаш на юге Калифорнии предметов ритуального характера есть костяные свистульки (Музей естественной истории, Санта-Барбара, Калифорния). Они обмазаны асфальтом и обмотаны сухожилиями, к которым прикреплены раковинные бусины из оливеллы. Рисунок из раковин на свистульках чумаш символизировал созвездия Млечного пути: Кассиопею, Орион, Альдебаран, Плеяды. Млечный путь в мифологии чумаш мыслился как дорога мертвых, что также свидетельствует о ритуальной функции свистулек[9]. Раковинный орнамент на костяных свистульках чумаш и индейцев Центральной Калифорнии является, возможно, своеобразной записью астрального мифа.

В астральных мифах калифорнийских индейцев повествуется не только о мироздании в целом, но и о происхождении отдельных созвездий. В одном из таких мифов, распространенном среди индейцев Южной Калифорнии и Западной Аризоны, рассказывается о происхождении созвездия Орион. Охотник, гнавшийся за тремя горными баранами,

[9] *Hudson T., Underhay E.* Crystals in the Sky: an Intellectual Odyssey Involving Chumush Astronomy, Cosmology and Rock Art. Santa-Barbara, 1978, fig. 18.

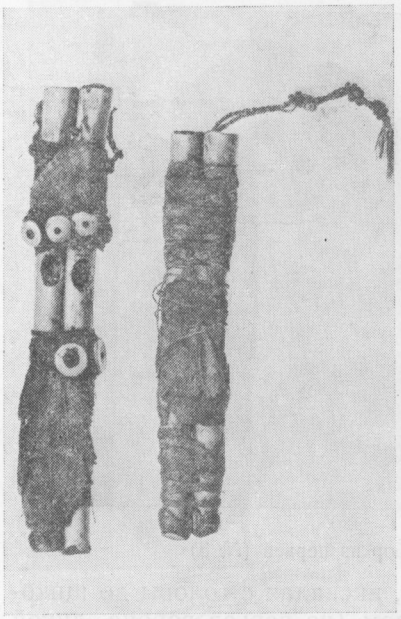

Рис. 3. Ритуальные свистульки из костей журавля (№ 62 и 63)

попадает вместе с ними на небо, и все они превращаются в созвездие Орион[10].

В этой связи стоит отметить совпадение версий мифа калифорнийских индейцев о происхождении созвездия Орион с мифом об Орионе, известном у народов Центральной Азии. Это миф об Эрке, сыне Неба, или великом стрелке алтайского фольклора — Когутее (Когульдее). В мифе об Эрке — Когульдее Великий стрелок вынужден был гоняться за тремя священными небесными маралухами, которых смертному поймать не дано. Обежав несколько раз землю, священные животные и их преследователь поднялись на небо и застыли там в форме созвездия Орион. В настоящее время старики на Алтае, в Туве и в Монголии три звезды пояса Ориона именуют маралухами, одну — охотником и одну звезду — собакой охотника. Иногда даже указывают пулю или стрелу небесного стрелка, которую «видят» среди небольших звезд рядом с созвездием.

В центральноазиатской версии мифа об Орионе сильно прометеевское начало: небесный стрелок, посягнувший на священных маралух, выразил этим свое презрение воле небес и вступил с ними в противоборство. В ряде версий мифа подчеркивается созидательный аспект образа Эрке — Когульдея, небесного охотника, его фаллическая природа[11].

Г. Н. Потанин писал об Эрке, как о культурном герое, стрелке-громовнике, подчеркивая его космическую сущность: «громовник, основатель человечества, знания, искусства был основателем и человеческой религии»[12].

Крупный астральный пласт может быть выделен не только при анализе мифологического наследия народов Сибири и Центральной Азии, но и их наскального искусства. Исследование этого вопроса, разумеется,— тема специальной работы. Укажем только, что среди петроглифов Боярской писаницы Хакасии обнаружено изображение идеального, ирреального небесного поселка в момент календарного праздника[13]. Тема астральности подчеркнута здесь обилием точек, которые могли символизировать звезды. Писаницы Забайкалья пестрят солярными и лунарными символами[14]. Среди наиболее распространенных сюжетов петроглифов Забайкалья выделяются «оградки» — символы микро-Вселенной. Изображения Плеяд, Ориона, Венеры есть в петроглифах Средней Катуни и Алтая[15]. Ряд астральных сюжетов обнаружен и в наскальных рисунках Калифорнии[16].

Интерес к мирозданию, к Вселенной, небесным светилам, использование астральных наблюдений в практических целях являются достижением ориентировочно-исследовательской деятельности охотников и со-

[10] Устное сообщение д-ра Хадсона (Ленинград, 1983 г.).

[11] *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Петроглифы Забайкалья, ч. II. Л.: Наука, 1970, с. 139; *Окладников А. П.* Петроглифы Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1980, с. 84.

[12] *Потанин Г. Н.* Громовник по поверьям и сказаниям племен Южной Сибири и Северной Монголии.— Журн. Министерства народного просвещения, 1882, февр., с. CCXIX, с. 325—326.

[13] *Дэвлет М. А.* Большая Боярская писаница. М., 1976, с. 11.

[14] *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Указ. раб., с. 139—143.

[15] *Окладникова Е. А.* Петроглифы Средней Катуни. Новосибирск: 1984.

[16] *Hudson T., Underhay E.* Op. cit.

бирателей. Первые попытки таких наблюдений были предприняты, вероятно, еще в каменном веке[17].

Возвращаясь к калифорнийской коллекции Вознесенского, и, в частности, к ритуальным костяным свистулькам, отметим еще правомерность семантической интерпретации их раковинного декора как символов звезд. Известно, что раковинный декор многих сакральных предметов индейцев Калифорнии ассоциировался ими с представлениями о богатстве, достатке (раковинные бусы из двустворчатых моллюсков были денежным эквивалентом), а белый цвет раковин воспринимался как символ чистоты и благородства[18].

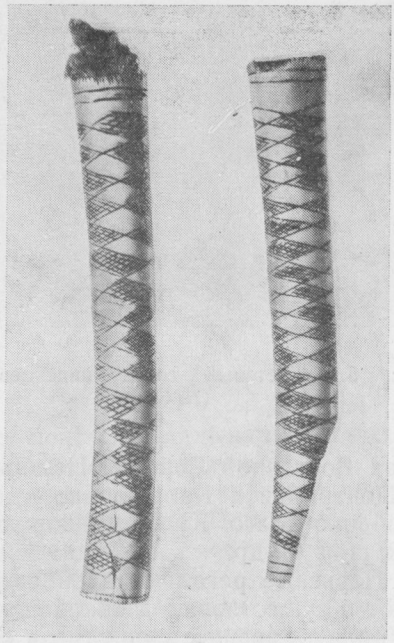

Рис. 4. Костяные серьги (№ 51 и 52)

Представляет большой интерес и сам материал — трубчатые кости крыльев журавля. Они использовались индейцами для изготовления не только свистулек, но и игральных палочек (которые «наговаривали» и делали, в определенном смысле, священными), серег, а также ритуальных, богато декорированных спиралевидным орнаментом, шпилек для волос.

Журавль — почитаемая птица и предмет поклонения индейцев Центральной Калифорнии. Он был представлен в числе орнитоморфных божеств, которые «присутствовали» на церемониях тайных мужских союзов типа Куксу: высушенные головы журавлей с глазами, инкрустированными перламутром, крепили на бечевках к деревянным оструганным палочкам (длина 60 см). Последние вносили в помещение, где происходила церемония, куксуиты, исполнявшие роль «глотателей огня»[19].

Понять значение образа журавля в идеологии тайных мужских союзов индейцев Калифорнии помогают и данные, полученные при изучении арктических народов Сибири. Почитание журавля известно у некоторых групп предков нганасан[20]. На севере Сибири (западнее р. Таз) у селькупов, а также у обских угров еще в конце XIX века существовала фратрия журавля. У нганасан был род Кокары (*ко* — самец, *кары* — журавль). У них же долгое время сохранялся обычай обрядовой охоты на журавлей с посохом *чере*. Журавлей на охоте полагалось убивать только посохом — длинной деревянной палкой с обугленным концом. По мнению Ю. Б. Симченко, это свидетельствует о сакральном отношении к журавлям, так как в культовой практике северных народов, в частности, нганасан, посохи такого типа употреблялись в магических целях[21]. Особое отношение к журавлям подчеркивалось и тем, что умершим грудным детям клали под лопатки журавлиные перья, чтобы облегчить дорогу в страну мертвых.

Помимо ритуальной накидки из перьев ворона, в коллекции И. Г. Вознесенского имеется другой уникальный экспонат — церемониальный костюм из цельной шкуры кондора. В него облачался танцор, исполняющий роль Молока — божественной птицы-громовника. Костюм

[17] *Фролов Б. А.* Числа в графике палеолита. Новосибирск: Наука, 1974.

[18] *Кожин П. М.* Плетеные сосуды индейцев Калифорнии.

[19] *Loeb E.* Pomo Folkways.— Univ. of California Publications in American Archaeology and Ethnology, 1926, v. 19, № 2, p. 340.

[20] *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей Северной Евразии (Проблемы генезиса и этногонии. Опыт историко-этнографической реконструкции). Дис. на соискание уч. ст. докт. ист. наук. М.: МГУ, Исторический ф-тет, 1982, с. 93.

[21] Там же.

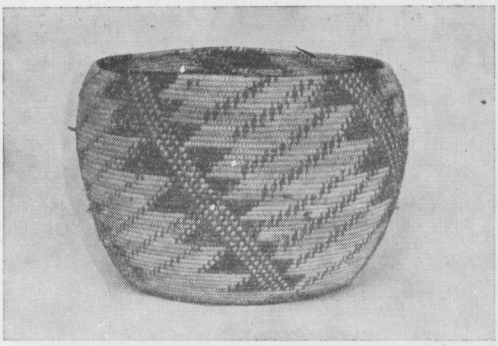

Рис. 5. Плетеный сосуд индейцев помо (№ 82)

из шкуры и перьев кондора, как и костюм из перьев ворона, дополнялся перьевым головным убором и налобной лентой из перьев дятлов. Образ кондора ассоциировался калифорнийскими индейцами с представлениями о небе и солнце (Молок — птица солнца и грома).

В Калифорнии культ кондора был распространен так же широко, как культ орла на территории Северной Америки, Северной Азии, на юге Сибири, Алтае и в некоторых районах Восточной Европы. Наиболее четко он прослеживается в Южной и Центральной Калифорнии, где кондор как вид пернатых сохранялся особенно долго. Культ кондора бытовал у индейцев майду, патвин, мивок, винту и др.

Перьевые регалии индейцев Центральной Калифорнии свидетельствуют о существовании такой стадии развития культа хищных птиц, когда орнитоморфные существа в сознании индейцев стали наделяться антропоморфными чертами. У индейцев Центральной Калифорнии сохранились в культовой практике и некоторые более древние обряды. Среди них — церемония поклонения священным птицам, обычно хищным (орлам, ястребам, соколам), которых специально для этого отлавливали. Сложные обрядовые действия предшествовали приготовлениям к ловле хищных птиц: поймав, их заключали в клетки и осыпали жертвенными дарами (перьями, пухом, семенами, желудевой мукой, раковинными бусинами), а в конце церемонии убивали и сжигали. Птиц ловили охотники-профессионалы и в специальных У-образных носилках приносили в деревню.

У индейцев патвин в течение церемонии, которая имела, как правило, характер поминок, плененный сокол олицетворял божество Веквек. Э. Гиффорд отмечал, что в мифах калифорнийских индейцев это божество рисовалось как быстрое, стремительное, молчаливое, упрямое и безжалостное [22].

Индейцы рассматривали пойманную птицу не только в качестве посредника между людьми и высшими силами, но и как воплощение орнитоморфного духа-предка. Позднее, возможно, божественную птицу — предка и демиурга — сменил человек, член тайного мужского союза, например, в случае с вороном — танцор Куксу.

Аналогичное Веквеку орнитоморфное божество было и у народов центральноазиатского круга. В частности, у монголов небо и солнце ассоциировались с представлениями о птице, поэтому небо для них никогда не было абстрактным, безличным, вероятно, так же как и для индейцев. Причем небо олицетворялось, как правило, хищной птицей, «весь облик которой соответствовал беспокойному духу монгольской аристократии, такой же хищной как степные орлы и соколы» [23].

Основой подобного отношения к хищным птицам в Центральной Азии были, видимо, архаические терротеистические представления. Свидетельства их сохранились на скалах Забайкалья: это относящиеся еще к бронзовому веку изображения хищных птиц — орлов, ястребов, соколов.

Таким образом, уникальные образцы ритуальных регалий из перьев хищных птиц — еще один момент, заставляющий вспомнить о проблеме

---

[22] *Gifford E.* Miwok Cults.— Univ. of California Publications in American Archaeology and Ethnology, 1926, v. 18, № 3, p. 399.

[23] *Окладников А. П., Запорожская В. Д.* Указ. раб., с. 123.

первых американцев, о древних связях двух континентов: Азии и Америки.

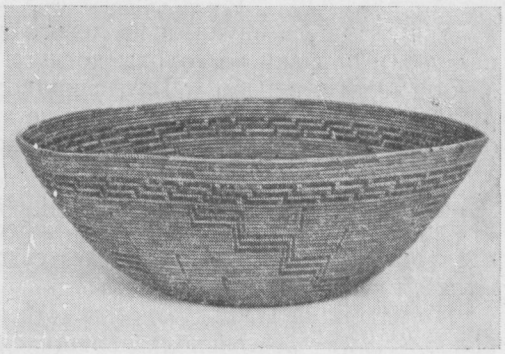

Рис. 6. Плетеный сосуд индейцев чумаш (№ 85)

Как уже было отмечено, ритуальные костюмы индейцев Центральной Калифорнии дополнялись рядом священных атрибутов. В их числе были длинные налобные ленты из очищенных хвостовых рулевых перьев красноголовых дятлов с симметрично подстриженными ромбообразными опахалами на концах. Калифорнийские индейцы — единственные в мире, кто изготовлял налобные ленты из перьев дятлов. Обычно эти ленты прикалывались к головному убору и волосам костяными и деревянными шпильками.

Кончики опахал обрабатывались по-разному, и по характеру обработки можно было определить происхождение ленты. Налобные повязки калифорнийской коллекции И. Г. Вознесенского, судя по этому признаку, приобретены у индейцев помо и юки[24].

Очищенные от опахал оранжевые стерженьки перьев со временем утратили цветовую насыщенность, но их сочетание с бархатисто-черными остроконечными опахалами, оставленными на внешней стороне ленты, в целом весьма эффектно: кончики черных опахал ритмично чередуются с оранжевыми стерженьками основы. Перьевые налобные ленты калифорнийской коллекции существенно отличаются от аналогичных лент (налобных повязок) индейцев майду, мивок, косо или люизъено, хранящихся в американских музеях. У индейцев названных племен они сделаны из перьев, которые в верхней части имеют неочищенные опахала, плотно прилегающие друг к другу. Внешний край повязок либо подстрижен по прямой, либо оставлен необработанным[25].

При изготовлении ритуальных предметов индейцы Центральной Калифорнии использовали не только перья дятлов, но и ярко-пурпурные кусочки скальпов с их головы. Этим кусочкам придавали листообразную форму и затем применяли для украшения длинных шпилек для волос, серег из трубчатых костей журавлей, церемониальных свистулек.

Красными перьями с голов дятлов украшали и сплетенные из травы церемониальные сосуды: их покрывали сплошным пурпурным декором; аналогичный декор был и на широких церемониальных поясах, которые обматывали вокруг бедер, а иногда (особенно женщины), перекидывали через плечо. Мягкие пурпурные перышки дятлов собирали в пучки (по 2—4 пера длиной около 1 см) и вплетали в основу волокон утка (осока). И. Г. Вознесенскому посчастливилось увидеть красноголовых дятлов[26], которые уже тогда были на грани исчезновения.

Все перьевые регалии индейцев Калифорнии, в том числе налобные повязки из перьев дятла, несомненно, связаны с культом птиц. Например, в мифах индейцев Центральной Калифорнии образ дятла ассоциируется с представлениями о стихии неба и грома. В одной из версий древнего космогонического мифа рассказывается о том, как в далекие времена на земле жил старик, который не употреблял земной пищи и питался небесной. Двое внуков старика попытались испробовать запретной пищи, и он, разгневавшись, приказал им принести из лесу двух дятлов. Из правого крыла одного дятла старик смастерил налобную повяз-

---

[24] *Kroeber A.* Handbook of the Indians of California.— Bull. of Bureau of American Ethnology, 1925, № 78, fig. 205, p. 267.

[25] *Kroeber A.* The Valley Nisenan.— Univ. of California Publications in American Archaeology and Ethnology, 1924, v. 24, № 4, p. 276.

[26] Архив АН СССР (Ленинград), ф. 53, оп. 1, № 1/1а, кн. 10, л. 18, об., 1840 г.

ку для старшего внука, а из левого крыла второго — для младшего. Он надел эти повязки на головы детям и швырнул обруч, которым они привыкли играть, в небо. Дети с криком ринулись догонять любимую игрушку. В погоне за обручем они не заметили, как попали на небо. Там они и по сей день бегут за обручем, который, катясь по небосклону, производит гром.

Таким образом, дятел ассоциировался у индейцев Центральной Калифорнии с представлениями о небесной стихии и громе, т. е. с комплексом, особенно тесно связанным в мифологии индейцев с образами хищных птиц.

В коллекции И. Г. Вознесенского есть серия уникальных шпилек для волос (№ 25—36), использовавшихся, как уже говорилось, в сакральном костюме куксуитов. Изготавливались они из трубчатых заостренных на концах костей крыльев журавлей и обычно богато декорировались кусочками скальпов с голов дятлов, раковинными бусинами, перламутровыми кулонами и травяными шариками. Имеется в коллекции и несколько длинных заструганных и заостренных на концах 60-ти сантиметровых деревянных палочек (№ 55—59), которые в свое время были определены С. А. Ратнер-Штернберг как шаманские палочки[27]. Аналогичного мнения относительно их функции придерживался и Вилкомб, осматривавший калифорнийские коллекции МАЭ в 1911 г. Однако другой американский ученый, Трэвис Хадсон (Музей естественной истории, Санта-Барбара, Калифорния), посетивший Музей в 1983 г., высказал предположение, что это — шпильки для волос. Разнообразие форм шпилек могло служить индикатором их разной племенной принадлежности.

О том, что в калифорнийскую коллекцию И. Г. Вознесенского входят вещи, изготовленные индейцами разных племен, уже писали советские исследователи. Так, П. М. Кожин различал в великолепной коллекции плетеных сосудов, украшенных бусинами из раковин, перьями, перламутровыми кулонами, изделия индейцев мивок, костаньо и помо[28]. Отметим, что среди предметов калифорнийской коллекции № 4246, поступившей в Музей из военно-морского училища им. Фрунзе в 1930 г., есть уникальное сито-веялка (№ 6), которое могло быть изготовлено индейцами костаньо или прибрежными мивок. Форма и конструкция плетения сита-веялки выделяют его из ряда аналогичных вещей индейцев Центральной Калифорнии. У индейцев костаньо и прибрежных мивок преобладали при изготовлении таких предметов округлые формы, а у индейцев юкутс, майду, мивок — треугольные.

В коллекции № 570 привлекает внимание и другой уникальный предмет — хорошей сохранности корзина (№ 113), изготовленная на юге Калифорнии индейцами чумаш. Даже в коллекции плетеных изделий индейцев чумаш, хранящейся в Музее естественной истории в Санта-Барбара, всего 25 экземпляров таких корзин! Некоторые из плетеных изделий калифорнийских коллекций МАЭ были в употреблении, судя по степени изношенности, до момента их приобретения собирателем. Срок пользования такими вещами, как, например, небольшая, украшенная раковинными бусинами корзина № 94,— около 20-ти лет; следовательно, сплетена она в 1820-е гг.

Бóльшую часть предметов коллекции № 570 составляют стрелы. Они собраны у индейцев, по меньшей мере, трех племен: прибрежных мивок, помо, майду. Судя по характеру оформления нижней части древков, стрелы принадлежали минимум 20-ти охотникам. Наконечники стрел изготовлены из кремня, яшмы, обсидиана, а наиболее поздние — из бутылочного и оконного стекла (последнее обрабатывалось в основном аналогично каменным остриям). Наконечники из плоского оконного стекла имели ретушь только по краю. Представлены разные типы наконечни-

---

[27] Опись коллекции № 570, составленная С. А. Ратнер-Штернберг в 1911—1912 гг., МАЭ, Ленинград.

[28] *Кожин П. М.* Плетеные сосуды индейцев Калифорнии.

ков стрел: наконечники с плечиками и зазубринками так называемого пустынного типа (№ 140; 200—211; 215—219 и др.), а также лавролистной формы (№ 144, 154, 155, 158, 189, 247 и др.). Последние по традиции обработки восходят к остриям типа кловис-фолсом (№ 163—165; 169; 170—174 и др.) и являются наиболее древними.

Стрелы с наконечниками из камня и стекла (независимо от размеров) применялись для охоты на крупную дичь, например, оленей, а с деревянными заостренными наконечниками (№ 280) — на мелкую дичь. В коллекции есть и стрела с наконечником в виде гарпуна (№ 288).

В качестве оперения стрел использовались пестрые перья соколов прерий и черные — орлов. Характерно, что форма половинок перьев, составляющих оперение, имела овальные очертания, тогда как у большинства стрел, хранящихся в собраниях музеев Америки — прямоугольные. Форма оперения стрел может служить как датирующим признаком, так и признаком племенной принадлежности. Вероятно, стрелы с овально подстриженными половинками перьев оперения (№ 159, 183, 185, 201, 206, 210, 212 и др.) были приобретены у индейцев прибрежных мивок.

Древки стрел изготовлены из молодых побегов бузины. Для того чтобы выпрямить побеги, индейцы длительное время держали их над огнем, периодически прибегая к помощи выпрямителей из камня. У различных племен индейцев по-разному оформлялись насадки наконечников древков стрел: есть насадки с прямоугольным сечением, которые практически не притерты к древкам, а есть насадки, плотно притертые к древкам и образующие с ними единое целое. У индейцев Калифорнии лук и стрелы получили распространение 2000 лет назад, а до этого они применяли дротики с каменными наконечниками и копьеметалки.

Для колчанов использовались цельные шкуры лисиц, волков, диких кошек. Колчан из шкуры дикой кошки (о чем свидетельствуют когти на лапках) есть в коллекции Вознесенского (№ 133). Колчаны изготовлялись стереотипно: содранная и выделанная шкурка животного сшивалась по длине, оставлялись торчащими только лапы, уши и мордочка. На кончики ушей крепились украшения — перламутровые кулоны, бусины, «кулончики» из перьев дятлов.

Для упаковки стрел индейцы часто использовали сплетенные из травы циновки, чтобы избежать деформации древков (в случае, например, дождя).

Луки, входящие в коллекцию № 570, принадлежали по меньшей мере четырем племенам, о чем красноречиво свидетельствуют способы обработки концов луков, на которые крепилась тетива. Имеются луки с волютообразными, прямоугольными, загнутыми, выпрямленными и овальными концами. Представлены в основном два типа луков: усиленные и простые. Внутренняя часть усиленных луков моделирована сухожилиями, склеенными рыбьим клеем. Сухожилия натягивались на лук в сыром виде и, высыхая, придавали ему полулунную форму.

* * *

Окидывая мысленным взором калифорнийскую коллекцию И. Г. Вознесенского, поражаешься своеобразию составляющих ее предметов, необычайной их яркости и острой характерности. Это своеобразие достигается широким использованием перьев и костей птиц, травы, раковинных бус, а также строгостью и однотипностью геометрического орнамента.

Наиболее распространенными мотивами декора геометрического орнамента индейцев Калифорнии были треугольники; сдвоенные треугольники, соединенные вершинами; ромбы; вертикальные параллельные прямые и зигзагообразные линии. Возможно, эти геометрические элементы восходят к мотивам апотропейного характера, бытовавшим не только в Новом, но и в Старом Свете. Не исключено, что декор гео-

метрического орнамента плетеных и костяных изделий индейцев Калифорнии включал волшебные знаки системы «ткаческой» магии, которая была известна многим народам мира, в том числе и древним славянам. Мотив треугольника, ассоциируемый с женским плодородным началом еще в эпоху неолита, связывался в Старом Свете с представлениями об изобилии, плодородии. Этот аспект интерпретации декора плетеных сосудов и корзин индейцев может иметь особое значение, если учесть использование данных предметов как церемониальных, связанных с магией плодородия. Сосуды без декора раковинными бусами предназначались для приготовления пищи из желудевой муки.

Материалы калифорнийских коллекций МАЭ дают богатый материал для историко-культурного сравнительного анализа. В этой связи интересны торжественные обряды культа Куксу, корни которых уходят в древнюю историю Калифорнии. Эти обряды свидетельствуют о наличии в идеологии индейцев Центральной Калифорнии древнего пласта различных терротеистических представлений, которые сближают мир представлений калифорнийских аборигенов, их северных соседей — индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки и древнего населения Северной Азии и Дальнего Востока [29].

В заключение заметим, что работа с калифорнийской коллекцией Вознесенского, как правило, ставит больше вопросов, чем дает готовых ответов. В частности, при ее изучении возникает важный вопрос о путях и характере древних миграций и контактов населения двух материков: Азии и Америки.

---

[29] *Окладникова Е. А.* Калифорнийская коллекция И. Г. Вознесенского и проблема древних культурных связей Азии и Америки, с. 54—67.